

ценных предметов недостаточно полно, на наш взгляд, не занимаются интерпретацией накопленных археологических источников. Отмечается непонимание особой миссии отечественной археологии, которая диктуется рядом естественно сложившихся факторов: Россия – евразийская страна, обладающая самой большой в мире территорией с огромным количеством памятников всех археологических периодов. Поэтому, задачи отечественной археологии другие, чем в любой европейской стране, а наша приверженность объяснения своей истории приводит к непониманию некоторых фактов цивилизационного развития на евразийском пространстве [Мартынов, 2013, с. 43–47].

В археологии большую роль играет фактор личного исследовательского интереса. Нет ясной концепции, что же мы хотим получить от археологии – науку, которая занимается только раскопками и изучением новых артефактов, или фундаментальную историческую науку, способную раскрыть исторические процессы, которые проходили в восточной Евразии в эпоху палеометалла и раннего железа [Мартынов, 2014, с. 460–470].

Остается не раскрытой роль появления курганных захоронений в евразийском пространстве в энеолите, процессы перехода к производящему хозяйству. Ждут не констатации факта открытия, а их исторической оценки. Для этого нужны новые методологические подходы.

Библиографический список

Мартынов А.И. Археологические факты и исторический процесс в степной Евразии // Вестник ТГУ. История. 2013. №3.

Мартынов А.И. Археологические культуры и цивилизационное развитие в степной Евразии (к 100-летию открытия В. Городцовым археологических культур палеометаллической эпохи) // Диалог культур Евразии в археологии Казахстана. Астана, 2014.

Мартынов А.И. Археология: вузовский учебник и наука (к 45-летию публикации учебника А.И. Мартынова «Археология СССР, М. 1973») // Вестник Кемеровского гос. ун-та. 2019. Т. 21, №4.

Морган Льюис Г. Древнее общество. Л., 1935.

Энгельс Ф. Происхождения семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения. В 3 т. Т. 3. М., 1986.

УДК 902:39

DOI: 10.14258/978-5-7904-2526-4.2021.5

А.А. Казаков

*Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия;
Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия*

О ВРЕМЕНИ ПРОНИКНОВЕНИЯ КУЛАЙСКОГО НАСЕЛЕНИЯ НА ТЕРРИТОРИЮ ЛЕСОСТЕПНОГО АЛТАЯ

В работе дан краткий историографический обзор проблемы первоначального проникновения кулайского населения на территорию Лесостепного Алтая. На основе керамического комплекса поселения Бочанцево-1 выделены признаки, которые позволяют достаточно точно отделить его от керамических комплексов культур раннего железного века Лесостепного Алтая (каменской, староалейской, быстрианской). Это формы венчиков с прямыми срезами и карнизиками и орнаментальная композиция, основу которой составляют горизонтальные отпечатки уголка лопаточки и ямки. Такие формы венчиков и орнаментальные композиции не встречаются на керамике культур РЖВ Лесостепного Алтая. Они выделены в новый, бочанцевский этап кулайской культуры и определяют наиболее ранние проникновения кулайских традиций в Лесостепной Алтай. Датируется бочанцевский этап IV–III – II в. до н.э. Кратко охарактеризованы троицкий и фоминский этапы развития кулайской культуры Лесостепного Алтая, предложены незначительные корректировки миграционной теории его заселения.

Ключевые слова: Лесостепной Алтай, кулайская культура, миграция, керамический комплекс, этап, хронология

Материалы, полученные М.П. Грязновым в 1946, 1947 и 1949 гг. при исследовании комплекса памятников Ближние Елбаны [Грязнов, 1956, с. 6], позволили ему выдвинуть гипотезу о полной смене культурного облика населения Лесостепного Алтая во II в. н.э. Основанием для этого послужила «...резкая смена облика археологических памятников на Верхней Оби», причиной которого, по мнению ученого, является «... новая культура, привнесенная сюда извне» [Грязнов, 1956, с. 99].

Спорность многих положений выдающегося археолога, касающихся этого периода древней истории Лесостепного Алтая, вызвала бурную дискуссию уже на стадии первичной публикации материалов, полученных с Ближних Елбанов [Грязнов, 1947; 1949; 1950; 1951; 1952; Чернецов, Мошинская, 1951; Чернецов, 1953; и др.]. Положение о миграции населения из «...северных лесов» [Грязнов, 1956, с. 116], которая и привела к смене культурного облика Лесостепного Алтая, остается неизменным и не вызывающим сомнения у всех ученых, занимающихся этой проблематикой.

Несмотря на то, что точка зрения М.П. Грязнова [1956], последовательно отстаиваемая им в развернувшейся дискуссии и опубликованная в монографии по итогам работ на Ближних Елбанах, в последующем подверглась корректировке и в научном сообществе сложились определенные представления о культурогенетических процессах, проходивших в I тыс. н.э. на территории Западной Сибири, в том числе в Лесостепном Алтае, изложенные в монографиях Т.Н. Троицкой [Троицкая, 1979; Троицкая, Новиков, 1998] и Л.А. Чиндиной [1984; 1991], интерес к изучению кулайской культуры и ее роли в культурогенетических процессах сопредельных территорий не ослабевает до настоящего времени. Это связано с высокой пассионарностью кулайского населения, которое на протяжении более двух тысячелетий продолжало свою эволюционную линию развития, не прерывавшуюся до настоящего времени. Эта же пассионарность, удивительная жизнеспособность, послужила тем фактором, который обеспечил очень сильное влияние кулайских традиций на культурогенетические процессы практически всех западносибирских регионов, расположенных в непосредственной близости от основного ареала распространения кулайской культуры.

Среди огромного количества обсуждаемых вопросов кулайской проблематики особую роль для Лесостепного Алтая имеет проблема проникновения кулайского населения, а вместе с ним и культурных традиций в этот регион, так как последующая история территории связана именно с этим населением. Как уже было отмечено, изначально этим рубежом М.П. Грязновым был определен II в. н.э.

Признание миграционной теории обусловило ее дальнейшее развитие в работах Т.Н. Троицкой, которая считала, что заселение Лесостепного Алтая связано с второй миграционной волной кулайского населения, которая привела к появлению памятников с фоминской керамикой в Лесостепном Алтае [Троицкая, 1979, с. 47] в I в. н.э. [Троицкая, 1979, с. 49]. По мнению Л.А. Чиндиной [1984, с. 162], кулайские племена достигли Верхнего Приобья также в результате второй миграционной волны, но в I–II вв. до н.э. Уже в этих работах мы наблюдаем омоложение сроков заселения Лесостепного Алтая кулайскими племенами.

Серьезной вехой в изучении кулайской культурно-исторической общности было исследование в 1988–1990 гг. Ю.В. Шириным Усть-Абинского могильника. На основании анализа всего комплекса фоминских материалов, включающего и комплексы Лесостепного Алтая, им была определена их нижняя хронологическая граница – рубеж II–III вв. [Ширин, 2003, с. 101–114]. Здесь мы наблюдаем уже противоположную тен-

денцию – завышение нижней даты миграционного потока «кулайцев» в Лесостепной Алтай, предложенной М.П. Грязновым.

Основной причиной подобного положения является подмена понятий, которыми оперируют ученые. Если М.П. Грязнов, Т.Н. Троицкая, Л.А. Чиндина и их последователи говорят о кулайской культуре в целом, в том числе о более ранних этапах ее развития, то Ю.В. Ширин определяет нижнюю хронологическую границу самостоятельной археологической культуры – фоминской, в которую он включает все кулайские памятники Лесостепного Алтая.

Попробуем разобраться в сложившейся ситуации. Для начала следует пересмотреть основную парадигму заселения Лесостепного Алтая кулайскими племенами, а именно непоколебимый постулат миграционной теории.

Культурогенетические процессы являются крайне сложными и не могут протекать однолинейно. В них тесно взаимодействуют как эволюционные механизмы, так и диффузионные схемы. И если эволюционные процессы являются достаточно длительными, то диффузия приводит к смене культуры достаточно быстро [Казаков, Казакова, 2016, с. 239]. Как раз подобную быструю смену культурного облика Лесостепного Алтая в результате диффузии (миграции) мы и наблюдаем. Подходя так однолинейно к сложному процессу, мы не учитываем диалектической составляющей, согласно которой любое качественное изменение подготавливается количественно. Говоря об одномоментной миграции, мы отрицаем наличие более ранних контактов между населением Лесостепного Алтая раннего железного века, представленном каменной, староалейской и быстрианской археологическими культурами, с населением кулайской культуры. А ведь любое массовое переселение должно быть подготовлено и обеспечено определенными знаниями о регионе будущего проживания. Кроме того, нельзя отрицать и неизбежность культурных контактов между представителями соседствующих культур, проживающих рядом друг с другом. И эти контакты, с учетом условности границ в древности, должны быть гораздо более плотными, чем в настоящее время между территориями, разделенными административными и межгосударственными границами.

Одним из первых обратил внимание на наличие подобных контактов уже в IV–III вв. до н.э. В.Б. Бородаев [1987, с. 111] в связи с публикацией материалов Новообинцевского клада. Г.Е. Иванов, исследовав поселение Бочанцево-1, расположенное в зоне ленточных боров Мамонтовского района Алтайского края, указал на нестандартную керамику, выбивающуюся из достаточно монолитного комплекса каменной культуры. Им отмечена близость керамики поселения керамическим комплексам второго этапа кулайской культуры Новосибирского Приобья, датируемым I в. до н.э. – I в. н.э. [Иванов, 1991, с. 120]. Затем М.Т. Абдулганеев с А.А. Казаковым [1994, с. 114], обработав материалы поселения Чудацкая Гора, также указали на наличие ранних кулайских материалов IV–III вв. до н.э. на территории Лесостепного Алтая, что свидетельствует о наличии достаточно плотных контактов местного населения с кулайским. На ранние контакты с кулайским населением тезисно указывалось и в других публикациях барнаульских археологов [Шамшин, Казаков, 1992; Казаков, Демин, 1992; Бородаев, Горбунов, 1993].

Эта тема в то время не нашла своего исследователя. Однако она способствовала появлению работы Ю.В. Ширина, в которой он проанализировал ранние кулайские комплексы Лесостепного Алтая. К сожалению, подвергнув критике ранее опубликованные концепции, он не сформулировал своего отношения к возможности контактов местного населения с кулайским на более ранних этапах развития этой культуры, объ-

ясняя отмеченные особенности результатом взаимодействия каменной культуры с фоминской, указав на то, что фоминская культура формируется не ранее рубежа II–III вв. н.э. [Ширин, 2004, с. 59].

Постоянно пополняющаяся источниковая база, более пристальный анализ имеющихся материалов и их обобщение, развитие теоретических методик исследований позволили А.Б. Шамшину и А.Т. Сингаевскому [2007] выделить группу поселений III–II вв. до н.э., сочетающих черты каменной, саргатской и кулайской традиций. Не останавливаясь на критических замечаниях по поводу этой работы, следует отметить, что она также указывает на взаимодействие с кулайским населением. И это уже не одиночные находки, случайные единичные фрагменты, а достаточно крупные комплексы.

Особо следует остановиться на работе В.В. Горбунова 2017 г., в которой им был выделен троицкий этап, связанный с миграцией самодийских племен из Новосибирского Приобья в I в. до н.э. – II в. н.э. [Горбунов, 2017; Горбунов, Кунгуров, 2018, с. 157], знаменующий начало миграционной волны и заселение Лесостепного Алтая кулайским населением. Отмечая, что для решения поставленной задачи нам важна прежде всего хронологическая составляющая, не касаясь некоторых частных, считаем, что подобная периодизация отражает объективную картину.

Расширение источниковой базы, связанное с исследованием новых однослойных памятников на территории Лесостепного Алтая, введение в научный оборот ранее малоизвестных материалов позволили выделить характерные признаки керамических комплексов фоминского этапа кулайской культуры, что, в свою очередь, послужило основой для выделения саровских комплексов из считавшихся ранее культурно однородными материалов [Казаков, 2020]. Нижней датой саровской керамики принято считать I в. до н.э. [Чиндина, 1984, с. 106]. Вторая миграционная волна датируется рубежом II–I вв. до н.э. [Чиндина, 1984, с. 162], что и дает нам дату появления саровских комплексов на территории Лесостепного Алтая.

Таким образом, мы можем говорить о проникновении кулайского влияния на территорию Лесостепного Алтая гораздо раньше, чем произошла смена населения, отмеченная М.П. Грязновым во II в. н.э., обусловленная массовой миграционной волной. Подобная миграция была подготовлена длительными и достаточно мирными контактами, протекавшими на протяжении продолжительного хронологического периода, что уже отмечалось исследователями [Иванов, 2000, с. 135; 2016, с. 33].

В настоящее время мы можем говорить о наличии на территории Лесостепного Алтая кулайских материалов, относящихся не только к троицкому и фоминскому этапам кулайской культуры. Выделенные Т.Н. Троицкой на сопредельной с Алтаем территории Новосибирской области более ранние этапы развития кулайской культуры мы также можем проследить на материалах Лесостепного Алтая.

Первый этап, который Т.Н. Троицкая датировала временем могильника Каменный Мыс (IV–III вв. до н.э.) находит аналогии в керамических комплексах типа Бочанцево-1. Культурно-хронологически показательными в этом керамическом комплексе являются формы венчиков с карнизиками и плоскими срезами и орнаментальные композиции с отпечатками уголка лопаточки в несколько горизонтальных рядов, отсутствие «жемчужника», каких не встречается в культурах РЖВ Лесостепного и Предгорного Алтая. Эти комплексы встречены на 11 поселенческих комплексах (Бочанцево-1, Хмелевка, Аллак-1, Новоалтайское, Раздумье-1а, Усть-Чумышская Пристань-1 (Мостовой), Чудацкая гора, Курейка-6, Урлапово-1а, Урлапово-2). Вероятнее всего, к этому времени относятся

и погребально-поминальные, ритуальные комплексы Кармацкий, Обские плесы-2, Малый Гоньбинский Кордон-1 могильник 5. Южная граница широкого распространения этих материалов ограничивается районом Новоалтайского поселения. Как раз они и являются свидетельством наиболее ранних проникновений «кулайцев».

Второй этап связан с второй миграционной волной кулайского населения уже с территории Томского Приобья [Казаков, 2020, с. 19], основу которой составляли саровские племена. В настоящее время в этом регионе выделяется порядка 10 памятников с саровской керамикой (Ближние Елбаны-4, Круглое Озеро, Усть-Чумыш-1, Ближние Елбаны-7, Поселение 2 комплекса памятников Малый Гоньбинский Кордон-1, Усть-Чумышская Пристань-1 (Мостовой), Чудацкая Гора, Шипуново, Чесноково-4).

Третий этап представлен комплексами фоминского этапа кулайской культуры, которые как раз и знаменуют смену культурного облика региона. В настоящий момент на территории Лесостепного Алтая их известно порядка 58.

Таким образом можно говорить, что миграция кулайского населения на территорию Лесостепного Алтая не была одномоментным явлением, связанным с многочисленным миграционным потоком, который вытеснил аборигенное население раннего железного века Лесостепного Алтая с его земель обитания. Эта миграция проходила в мирных рамках, и местное население достаточно долго сосуществовало с пришельцами. Миграция была подготовлена более ранними контактами, которые фиксируются на археологическом материале с IV–III вв. до н.э. Учитывая определенное своеобразие этого материала, обусловленное контактами с населением каменной и староалейской археологических культур, которое его отличает от комплексов первого этапа кулайской культуры Новосибирского Приобья, предлагаем назвать этот этап по наименованию памятника, давшего наиболее показательный материал, – поселения Бочанцево-1 – бочанцевским. Его хронологические рамки предварительно можно определить IV–III – II в. до н.э.

Библиографический список

- Абдулганеев М.Т., Казаков А.А. Поселение Чудацкая гора // Палеодемография и миграционные процессы в Западной Сибири в древности и средневековье. Барнаул, 1994.
- Бородаев В.Б. Новообинцевский клад // Антропоморфные изображения. Новосибирск, 1987.
- Бородаев В.Б., Горбунов В.В. Троицк-1 – новое поселение кулайской культуры на левобережье Барнаульского Приобья // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. Ч. 2. Барнаул, 1993.
- Горбунов В.В. Культурно-исторические процессы на территории Лесостепного Алтая в 1 тыс. н.э. // V (XXI) Всероссийский археологический съезд [Электронный ресурс]. Барнаул, 2017.
- Горбунов В.В., Кунгуров А.Л. Памятники первой половины 1 тыс. н.э. археологического комплекса МГК-1 в Барнаульском Приобье // Изв. Алт. гос. ун-та. 2018. №2 (100).
- Грязнов М.П. Работы Алтайской экспедиции // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях института истории материальной культуры. М.; Л., 1947.
- Грязнов М.П. Раскопки Алтайской экспедиции на Ближних Елбанах // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях института истории материальной культуры. М.; Л., 1949.
- Грязнов М.П. Из далекого прошлого Алтайского края. Барнаул, 1950.
- Грязнов М.П. Археологическое исследование территории одного древнего поселка // Краткие сообщения института исследования материальной культуры. М., 1951.
- Грязнов М.П. Некоторые итоги трехлетних археологических работ на Верхней Оби // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях института истории материальной культуры. М.; Л., 1952.
- Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. М.; Л., 1956.
- Иванов Г.Е. Поселение Бочанцево-1 – памятник кулайской культуры в степном Алтае // Охрана и исследование археологических памятников Алтая. Барнаул, 1991.
- Иванов Г.Е. Свод памятников истории и культуры Мамонтовского района (к 220-летию с. Мамонтово). Барнаул, 2000.

Иванов Г.Е. Алтайская деревня на перекрестках истории: летопись Мамонтовского района. Барнаул, 2016.

Казаков А.А. Поселение Ближние Елбаны-IV (по материалам Государственного Эрмитажа) // Теория и практика археологических исследований. 2020. №2 (30).

Казаков А.А., Демин М.А. Аварийные работы в Красногорском районе // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. Горно-Алтайск, 1992.

Казаков А.А., Казакова О.М. О центрах культурогенеза на юге Западной Сибири в первом тысячелетии // Изв. Алт. гос. ун-та. 2016. №4 (92).

Троицкая Т.Н. Кулайская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск, 1979.

Троицкая Т.Н., Новиков А.В. Верхнеобская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск, 1998.

Чернецов В.Н., Мошинская В.И. Городище Большой Лог // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях института истории материальной культуры. М.; Л., 1951.

Чернецов В.Н. Усть-Полуйское время в Приобье // Чернецов В.Н., Мошинская В.И., Талицкая И.А. Древняя история Нижнего Приобья. М., 1953.

Чиндина Л.А. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. Томск, 1984.

Чиндина Л.А. История Среднего Приобья в эпоху раннего средневековья (рёлкинская культура). Томск, 1991.

Шамшин А.Б., Казаков А.А. Аварийные археологические раскопки в Тальменском районе // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. Горно-Алтайск, 1992.

Шамшин А.Б., Сингаевский А.Т. Этнокультурная ситуация на территории Барнаульского Приобья в конце 3 в. до н.э. – 1 в. н.э. // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Вып. 5. Горно-Алтайск, 2007.

Ширин Ю.В. Верхнее Приобье и предгорья Кузнецкого Алатау в начале 1 тыс. н.э. (погребальные памятники фоминской культуры). Новокузнецк, 2003.

Ширин Ю.В. О ранних кулайских памятниках Верхнего Приобья // Российская археология. 2004. №2.

УДК 902.2(571.1)

DOI: 10.14258/978-5-7904-2526-4.2021.6

А.Л. Кунгуров¹, О.Ф. Кунгурова²

¹*Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия;*

²*Финансовый университет при правительстве Российской Федерации, Барнаульский филиал, Барнаул, Россия*

ИССЛЕДОВАНИЕ МНОГОСЛОЙНЫХ РАЗНОКУЛЬТУРНЫХ КОМПЛЕКСОВ ВЕРХНЕГО ПРИЧУМЫШЬЯ: ПАМЯТНИКИ В УРОЧИЩАХ КОВРИЖКА И КУРНОСКА

Верхнее Причумышье – это регион, объединяющий две разных орографических зоны: Бийско-Чумышскую возвышенность и Салаирский кряж. В настоящее время он является одним из наиболее исследованных археологических районов. Особенности формирования долины Чумыша привели к образованию долинно-балочного рельефа с большим количеством выразительных микродолин, мысов и малых притоков. В различные периоды истории участки долины, наиболее удобные для проживания и реализации присваивающего и производящего хозяйства, заселялись неоднократно. На ряде памятников зафиксированы сочетания разновременных поселений и грунтовых некрополей. Часть подобных комплексов – Усть-Васиха-2, Степь-Чумыш Маслозавод, Усть-Шамониха-1 опубликованы. В статье представлены результаты изучения материалов многослойных памятников Коврижки-1, 2 и Курноски-1–3, расположенных на юго-западных отрогах Салаира в левобережье долины Чумыша. Кроме культурных слоев корначакской (неолит) и быстринской (ранний железный век) культур, на памятнике Коврижка-2 обнаружено погребение андроновской культуры. Настоящей работой авторы продолжают цикл исследований, посвященных публикации многослойных памятников региона. Также планируется публикация комплексов урочищ Улус, Куюк, Манжиха и др.

Ключевые слова: поселение, погребение, керамика, пест, сосуд, нуклеус, пластина, скребок, ранний железный век, быстринская культура, андроновская культура, датировка, периодизация